

УДК 910.4

И.В. Чесноков

ОТ ТИХОГО ДОНА К ТИХОМУ ОКЕАНУ: ДОРОГИ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Исполнилось 450 лет походу Ермака через Каменный Пояс в Сибирь. Это была вторая волна Великих географических открытий и первый шаг русских землепроходцев в начало познания и освоения гигантских пространств Сибирской Евразии. Общеизвестно, что в целом Великие географические открытия вызвали движение планетарного масштаба - встречу ранее разобщенных народов, культур и цивилизаций, обычаев и нравов, создали иные условия общения людей. Последствия этой эпохи проявлялись постепенно, обнаруживая в исторической перспективе разные свои грани. Осознание этих последствий еще не завершилось. Они всегда вызывали и вызывают противоречивые и даже взаимоисключающие оценки.

Не избежали такой участи и оценки русских землепроходцев. Особенно не угасает, а скорее разгорается спор о походе Ермака Тимофеевича. Спорят историки - что это было? Покорение “дикого Востока”, откуда приходили разорители земли Русской, или освобождение Сибири от власти “обломков” Золотой орды”? Интервенция Москвы или просто разбойничье нападение? Отсюда и споры о самом Ермаке - был ли он яркой личностью, опытным воином или жестоким завоевателем? Имя Ермака окружено ореолом тайн, легенд и преданий. Вспомним одну легенду в пересказе Павла Бажова (“Ермаковы лебеди”) - еще в детстве мальчик Василий (будущий Ермак) спас двух лебедей, которые всю жизнь были ему путеводной звездой, открыли путь за Урал.

Так кто же был Ермак, который, как писал М.В. Ломоносов, “открыл вход в Сибирь

военною рукой”? Почему именно казачий отряд снарядил Строганов для первого сибирского похода? Ведь это потом стало традицией - великие географические открытия русских землепроходцев были совершены при самом активном участии казачества, которые прошли весь путь от Тихого Дона до Тихого океана.

Обратимся к истории казачества. Оно возникло как общность, сформировавшаяся в весьма специфических геоландшафтных и исторических условиях. Еще историк В.О. Ключевской пытался определять, какие природные условия более всего воздействовали на формирование русского характера? К ним он отнес просторы степей, леса и реки. Для лесостепи Подонья именно они оказались присущими в высшей степени, ибо здесь они сошлись вместе. Уходящее, исчезающее в далеких голубых горизонтах степное пространство. Не о нем ли писал Д.С. Лихачев: “широкое пространство всегда владело сердцем русским... Воля вольная - это свобода, соединенная с простором, с ничем не ограниченным пространством”. Степь открыта всем ветрам. Ветер - ее нерасторжимый спутник, его мятежный дух и энергия словно засасывает в свою воронку, создает ощущение бесконечного простора, беспредельного и неупорядоченного бытия, его вечного саморасширения. Это ощущение дополняет Дон, когда его “подобные морям” весенние разливы - словно разгуливающаяся казачья душа.

Можно спорить, но донская природа оказалась соучастницей создания образа казака, об особой “пассионарности” которого писали Л.Н. Гумилев и Е.Ф. Лосев: “Казак - это гре-

От Тихого Дона к Тихому океану: дороги Великих географических открытий

мучая смесь романтики и прозы. Нежность и жестокость. Находясь в гармонии с природой, любимой им и им же оберегаемой, он был ею защищен и сбережен”.

Вторым важнейшим условием формирования “казачьего этноса” оказались условия его проживания на Южном Пограничье Руси. Казачья родина вечная ратная зона. По образному выражению А. Блока - Дон с его Куликовым полем был щитом между Западом и Востоком. Отсюда и судьба казака - жить войной и для войны. Это выковало из казаков опытных и бесстрашных воинов, отличавшихся беззаветной и дерзкой удалью. Как описывает казачий быт XVII века В.А. Потто (“Кавказская война от древнейших времен до Ермолова”. Ставрополь, 1994), “казачьи городки состояли из шалашей и землянок, наскоро обнесенных терновыми плетнями. Казаки заботились не о красоте своих жилищ, а об удобстве их для вечного боевого быта... Пускай, - говорили они, - бусурманы жгут наши городки, сколько угодно, мы выстроим новые...”. Зато казак всегда был готов, как по А.С. Пушкину:

В чистое поле погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сарацина в поле спешить,
иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или выманить из леса
Пятигорского черкеса.

И не случайно, что, по мере становления государства Российского, как отмечал П.П. Семенов-Тянь-Шанский, казаки стали особой охранной стражей южных, а потом и восточных рубежей Руси. Не жалуясь на тяжести похода, не обижаясь на скудную пищу, не страшась опасностей, они не только перешагнули Урал со своим атаманом Ермаком Тимофеевичем. За Семеном Денежным они вышли к Ледовитому океану, за Ерофеем Хабаровым - к берегам Тихого океана. Без их участия была бы, пожалуй, невозможна вторая волна великих географических открытий - подвиг русских землепроходцев. Память казачьих вождей увековечена

именами на географических картах - бухта Дежнева, мыс Дежнева, город Хабаровск, железнодорожная станция Ерофей Павлович, на реке Иртыш - город Ермак, на Енисее - село Ермаковское. Ледокол “Ермак” стал первопроходцем через арктические льды.

Но большинство казаков-первопроходцев остались “безымянными”, хотя на картах есть названия, к смыслу которых можно добраться лишь через архивную пыль документов Сибирского приказа, малая часть которых опубликована. Как свидетельствует одна из таких публикаций - “Сборник документов по истории Бурятии XVII века (Улан-Удэ, 1960) названия Братского порога, города Братска, а теперь и Братской ГЭС идет от имени, которое дали казаки-землепроходцы народу, жившему на берегах Байкала - “братские люди”. Так было переведено непривычное слово “бырат”, “бурят”. Надо сказать - очень удачный и добрый перевод. Посланный в 1626 году к “братским людям” казачий атаман Максим Перфильев сообщал, что братская земля богата и людей в ней много, язык с якутским и тунгусским не сходится, избы рублены. Соболей, лисиц и бобров, коней, коров, овец бесчисленно, бухарских товаров, шелков и белья и серебра “добре много”. Серебро добывается на Шилке-реке. Браты хлеб пашут, ячмень и гречку сеют... Максим Перфильев подробно описывает реки, служившие тогда главными дорогами. По тогдашним обычаям он расстояния указывает временем, которое требуется, чтобы “дойти” на лодке ли, на коне, пешком от устья до устья впадающих в главную реку притоков. Сенокосные угодья оцениваются по количеству копен сена. В итоге “отписки”, подобные перфильевской, можно рассматривать как предварительный, но добротный географо-экономический и этнографический очерк, предназначенный для последующего заселения края. Более того, эти данные (хотя и не написанные добротным академическим языком) имеют непреходящую ценность как “исходный репер” для сравнения, оценки произошедших за века изменений.

И здесь возникает еще одна важнейшая грань эпохи первопроходцев. Они, конечно, действовали в интересах государства, приращения его богатства. Считалось, что они “покоряли Сибирь”. Но это был поход, не военные столкновения с местными народами. Самым сложным и трагическим был сам путь по суровым краям Сибири. Только действительно закаленные, мужественные люди могли преодолеть его. Первооткрыватели продвигались почти “ощупью” по незнакомой местности через горные хребты, дремучую тайгу и болота. Они плыли в лодках, стругах, “кочах”, “дощаниках”, тащили их волоком, бросали их, “рубил” зимовья. Потом вновь продвигались вперед на собаках, на лошадях, на лыжах и нартах, шли пешком через снега и метели, со скудным съестным запасом, гибли десятками.

Но случалось, казалось бы, невероятное. Не они покоряли Сибирь, а Сибирь покоряла

их, многие породнились с местным населением. Здесь казаки обретали вторую родину. И не похожую и в чем-то сходную с прежней. Много позже об этом же писал А.П. Чехов. Он считал, что Забайкалье - это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии. Может поэтому первопроходец Забайкалья донской казак Максим Перфильев остался жить здесь до конца своих дней. Косвенно память о нем закреплена на живописном берегу Байкала. Так, селение Максимиха названо в честь его вдовы – бурятки, которая согласно русскому обычаю звалась Максимихой.

До сих пор живут казаки в Сибири – потомки первопроходцев. И до сих пор мы “покоряем” суровые сибирские края, но скорее они покоряют нас. Только умение и талант “жить народам совместно” отзывается добром. “Не выученные уроки” исторической географии оборачиваются суровой платой.